

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 81`42

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1

Вишнякова О. Д.¹
Мартюшова Н. О.²

**Коллективная память о прошедших событиях
в лингвистическом освещении: опыт анализа речей
членов королевской семьи Великобритании**

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия
E-mail: ol-vish@mail.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия
E-mail: nmartiushova8@gmail.com

*Статья поступила 08 апреля 2022 г.; принята 14 сентября 2022 г.;
опубликована 30 сентября 2022 г.*

Аннотация. Коллективная память представляет собой воспоминания общества о прошлом и отражает политические и идеологические процессы, которые претерпевают изменения с течением времени. Память о мировых конфликтах, в частности о Второй мировой войне, вышла за рамки индивидуальной памяти, она активно функционирует и оказывает сильное влияние на современное британское общество. Таким образом, изучение дискурсивных практик, фиксирующих представления о Второй мировой войне в Великобритании, позволит определить, как происходит процесс конструирования и транслирования коллективной памяти. В работе представлен критический дискурс-анализ речей членов королевской семьи (короля Георга VI и королевы Елизаветы II о победе во Второй мировой войне) с целью изучения механизмов дискурсивного конструирования памяти о Второй мировой войне в Великобритании, а также способов вербализации коллективных представлений о прошлом. Проблема дискурсивного конструирования, включающего в себя способы отражения и репрезентации социальной реальности, рассматривается в данной работе с опорой на исследования Н. Фэркло, Р. Лангакера, К. Харта. Возможность продвижения альтернативных истолкований или конструкторов одной и той же реальности означает, что любой конкретный выбор репрезентации всегда идеологически обусловлен и указывает на точку зрения и интересы автора текста. Анализ речей короля Георга VI и королевы Елизаветы II основан на трехмерной модели критического дискурс-анализа Н. Фэркло, в рамках которой проводится лингвистический анализ текстов с применением базовых принципов системно-функциональной грамматики М. Хэллидея; в дополнение используется трехступенчатая модель анализа социальных акторов, разработанная лингвистами В. Коллер и Э. Дэркс. В результате исследования

было выявлено, что коллективные представления о победе во Второй мировой войне претерпели изменения, однако, их основа осталась прежней; языковые средства, использованные в их формировании и трансляции, свидетельствуют о преемственности взглядов на коллективное прошлое, а нынешние нарративы используют прошлое, а также ранние представления об этом прошлом как средство для достижения целей настоящего.

Ключевые слова: Коллективная память; Вторая мировая война; Великобритания; Дискурсивное конструирование; Системно-функциональная лингвистика

Информация для цитирования: Вишнякова О. Д., Мартюшова Н. О. Коллективная память о прошедших событиях в лингвистическом освещении: опыт анализа речей членов королевской семьи Великобритании // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 3. С. 3-19. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1

UDC 81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1

Olga D. Vishnyakova¹
Natalia O. Martyushova²

**Past events collective memory in linguistic perspective:
case-study of the British royal family speeches**

¹ Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: ol-vish@mail.ru

² Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia
E-mail: nmartyushova8@gmail.com

Received 08 April 2022; accepted 14 September 2022; published 30 September 2022

Abstract. The study examines the construal of collective memory in Great Britain concerning the victory in the Second World War and its linguistic representation. Collective memory is driven by political interests and framed by ideological narrative which undergoes changes throughout time. The royal family as a symbol of the country voices the core values and principles of the whole nation and transmits ideology. Taking critical discourse analysis as the methodological framework for the study, we analyze the commemorative speeches related to the celebration of victory in WWII delivered by the members of the royal family (King George VI and Queen Elizabeth II) in 1945 and 2020 in order to investigate the transformation of the British collective memory about World War II and identify the linguistic means used for its production and transmission. The analysis is based on Fairclough's three-dimensional framework of critical discourse analysis, as well as on the principles of systemic functional linguistics developed by Halliday. We also applied the three-step model of social actor analysis provided by Darics and Koller. The study suggests that British collective memory has transformed but its core principles and ideas are still the same and used for pursuing the aims connected with political, ideological issues of the present. The language means used in the construal of the collective memory in Great

Britain reveal how the past and current narratives were produced to serve the specific purposes to meet the challenges in different periods of time.

Keywords: Collective memory; World War II; Great Britain; Discursive construal; Systemic functional linguistics

How to cite: Vishnyakova, O. D. and Martyushova, N. O. (2022). Past events collective memory in linguistic perspective: case-study of the British royal family speeches, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (3), 3-19. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-3-0-1

Введение

Коллективные представления о прошлом являются важным инструментом формирования идентичности. Идея коллективной памяти непосредственно связана с восприятием сообществом, группой людей самих себя. Прошлое, представленное данными сообществами, может производиться, трансформироваться и транслироваться для нужд настоящего и будущего. В нем также будут переплетены традиции и ценности данного сообщества, так в своей работе «Культурная память» Я. Ассман (2004: 55) вводит понятие «миф», которое можно определить как обосновывающую историю. Эту идею развивает впоследствии А. Ассман: «... коллективная память превращает ментальные образы в иконы, а нарративы становятся мифами, важнейшими свойствами которых является убедительная сила и мощное аффективное воздействие. Подобные мифы отделяют исторический опыт от конкретных условий его формирования, преобразуя его во вневременные повествования, которые передаются от поколения к поколению» (Ассман, 2018: 38).

Необходимо принимать во внимание, что неверно определять коллективную память как единую и разделяемую всеми членами сообщества. Таким образом, можно выделить постулат о множестве типов социальной памяти, и разные институты социума могут производить различные версии прошлого (Олик, 2012).

Особый интерес представляет изучение репрезентаций прошлого, коллективной памяти, произведенной различными социальными институтами,

так как они, в свою очередь, являются инструментом формирования идентичности и используются для решения проблем и вызовов настоящего (Ассман, 2004: 54-55). То, каким образом конструируются и транслируются воспоминания о прошлом можно изучить, рассмотрев и проанализировав их языковое воплощение. **Целью** данной работы является изучение механизмов дискурсивного конструирования памяти о Второй мировой войне в Великобритании, а также способов вербализации коллективных представлений о прошлом на примере речей членов королевской семьи 1945 г. и 2020 г. (короля Георга VI и королевы Елизаветы II), посвященных победе во Второй мировой войне. На сегодняшний день большое количество научных работ посвящено изучению памяти о Первой мировой войне и ее роли в коллективной памяти Великобритании, в то время как исследованию коллективных представлений о Второй мировой войне уделяется меньше внимания.

Лучше всего природа памятования проявляется в языке, нарративе, а сам язык можно рассматривать как систему памяти (Olick, 1999). Прошлое всегда опосредовано и не может функционировать вне какой-либо версии или репрезентации исторического наследия в определенный период в истории сообщества, а языковой инструментарий, в свою очередь, позволяет формировать различные виды прошлого: «Несмотря на то, что происходящее в языке «конструирование мира» (the construal of the world) принадлежит человеку, язык предоставляет ему некоторый набор альтернативных средств выражения

примерно одной и той же мысли, так что выбранное по воле говорящего средство предлагает, в свою очередь особую языковую интерпретацию того объекта или той ситуации, что описываются в речи» (Кубрякова, 2004: 522). Дискурс тем самым формируется ситуативным, институциональным и социальным контекстами, а также влияет на различные социальные практики в данных контекстах (Reisigl, Wodak, 2005: 35). Он создает смыслы и в то же время регулирует их толкования (Hodges, 2018: 673). Помимо этого, сами социальные акторы дискурсивно конструируют «объекты познания, ситуации социальные роли, а также идентичности и межличностные отношения» (Wodak, de Cillia, Reisigl, Liebhart, 2009: 8). Таким образом, изучение дискурсивных практик, фиксирующих представления о коллективном прошлом, представляется нам перспективным направлением, которое поможет понять, как происходит процесс конструирования и транслирования представлений о прошлом: «... возможность объективировать ментальную деятельность путем вербализации ее результатов обуславливает исключительную ценность языковых данных для изучения ментальных процессов» (Вишнякова, 2015: 52). Язык в данном случае выступает как «орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» (Тер-Минасова, 2008: 19). Вопросы дискурсивного конструирования как способа «создания» реальности рассматривались Р. Лангакером (2009), Н. Фэркло (2004, 2013), К. Хартом (2011, 2014). Социальная реальность является концептуально опосредованной и не может существовать без различных интерпретаций и толкований (Fairclough, 2012: 9). Ее возможно представить определенным образом в различных текстах, но будут ли данные репрезентации или «конструкты» влиять на ее изменение, зависит от формы

и составляющих существующей социальной реальности, а также акторов, которые ее конструируют. Тексты тем самым конструируют идентичности и одновременно закрепляют их (Fairclough, 2013: 247). Дискурсивное конструирование памяти о Второй мировой войне, а также других военно-исторических реалий можно изучить, рассматривая языковые стратегии и тактики формирования смыслов, а также анализируя языковые средства, используемые в различных текстах. В рамках данного исследования мы применили трехмерную модель критического дискурс-анализа, предложенную Н. Фэркло, где центральное место занимает коммуникативное событие, имеющее три измерения: дискурсивную практику, текст и социальную практику (Fairclough, 2004). Таким образом, в статье рассматривается более широкий контекст, так называемая «социальная практика», которой принадлежат коммуникативные события; описывается процесс производства и потребления текстов, который входит в понятие «дискурсивной практики», а также проводится подробный лингвистический анализ текстов, основанный на базовых принципах системно-функциональной грамматики М. Хэллидея (2014), в дополнение к последнему также используется трехступенчатая модель анализа социальных акторов, разработанная В. Коллер и Э. Дэрикс (2019).

Коллективная память о Второй мировой войне в Великобритании

Коллективная память, которая формируется политическими институтами, является долговременной и унифицированной конструкцией. Различные символы закрепляют воспоминания, становящиеся основой коллективной памяти: «Монументы и памятники, годовщины и ритуалы из поколения в поколение упрочивают коммеморацию за счет материальных знаков и периодичности повторений. Они дают

возможность последующим поколениям, не имеющим соответствующего собственного опыта, причаститься к общему воспоминанию» (Ассман, 2018: 32). Коллективная память используется различными институтами не только для коммеморации прошлого, но также и для закрепления определенных ценностей и нарративов в будущем. «Репродукция» прошлого связана с необходимостью обеспечения стабильности, сохранения и закрепления различных социальных институтов, к примеру, института монархии в Великобритании (Jordan, 2019). Так в Великобритании память о Второй мировой войне закрепила героический нарратив «Народной войны» («The People's war»), который функционировал в британской массовой культуре в послевоенные годы (Eley, 2013). В его основе был образ единой и сильной Британии, который был главным инструментом борьбы с политическими и идеологическими кризисами в британском обществе после пережитых событий войны: «Война считается едва ли не единственным периодом во всей истории Великобритании, во время которого британцы объединились в одну метафизическую сущность: в те годы население преодолело разделение на классы, либертарианский индивидуализм и стремление к личной выгоде — все эти черты обычно составляют в высшей степени плюралистическую и фрагментированную структуру британского общества» (Harris, 1992: 17).

Образ сплоченного единого британского общества стал глубоко укоренен в представлении о британском обществе и был закреплен через символы монархии и парламента, а социальные институты использовали героическое прошлое как инструмент для поддержания «национальной гордости и чувства сплоченности и единства, особенно в периоды кризисов и вызовов» (Williamson, 1988: 168). Таким образом, в Британии формировался образ страны, пережившей

Вторую мировую войну, страны-победителя, защитника и освободителя мира (Jaeger, 2020: 35). Коллективная память о Второй мировой войне имела избирательный характер, иными словами, она была сконцентрирована исключительно на положительных воспоминаниях о прошлом и избегала травматических воспоминаний военного времени (Grant, 2018: 1155).

События послевоенного периода также постепенно привели к изменениям в традиционных представлениях и концепциях национальной идентичности в Британии, что отразилось и в коллективных представлениях о войне (Eley, 2001: 822). Исследователи К. Пеннел и Д. Тодман (2020), а также В. Хоукинс (2020), Дж. П. Смит (2020) и У. Хайтан (2020) указывают на происходящие изменения в коллективной памяти о Второй мировой войне в Великобритании и отмечают, что она приобретает более широкий глобальный контекст, в который также включены и «маргинализированные истории» для создания более интернациональной версии прошлого. Однако нарратив «Народной войны» как основа памяти о Второй мировой войне до сих пор активно функционирует в британском обществе (Finney, 2010: 217).

Радиообращение короля Георга VI о победе в войне (8 мая 1945 г.) (King George VI's VE Day speech).

8 мая 1945 г. король Георг VI обращается к британцам по радио из Букингемского дворца с сообщением о победе над Германией. Обращение шло после выступления премьер-министра Великобритании У. Черчилля о капитуляции Германии и победе союзников.

Репрезентация участников

Исследуя репрезентацию участников в обращении короля Георга VI, мы использовали трехчастную модель анализа социальных акторов, представленную в работах лингвистов Дэрикс и Коллер, в

основе которой лежит социосемантический инвентарь, разработанный ван Леувенем (van Leeuwen, 2008; Darics, Koller, 2019). В рамках анализа в речах были определены социальные акторы, роли, которые приписывались участникам процессов; рассматривались ценности, нормы и принципы, которые были выражены с помощью выбранных языковых средств; а также цели, которые говорящие пытались достичь, используя те или иные формы репрезентации социальных акторов.

В обращении короля Георга VI представлены различные способы репрезентации социальных акторов. Большую роль в речи играют местоимения, которые король использует для обозначения принадлежности объектов речи к определенной группе. Использование местоимений можно разделить на несколько групп, внутри которых противопоставляются различные референтные группы, выраженные данными местоимениями:

1. Противопоставление они – мы (they – we, them – us, their – our) для обозначения *живых и погибших/умерших*. Погибшие представлены как жертва, которую Британия принесла во имя победы, а живые – это те, кто будет строить новое будущее:

• «Let *us* remember *those* who will not come back, *their* constancy and courage in battle, *their* sacrifice and endurance in the face of a merciless enemy: let *us* remember the men in all the Services and the women in all the Services who have laid down *their* lives»¹.

• «*We* have come to the end of our tribulation, and *they* are not with *us* at the moment of our rejoicing. Then let *us* salute in

proud gratitude the great host of the living who have brought *us* to victory»².

2. Противопоставление они – мы (they – we, them – us, their – our) для обозначения *британцев и врага*. Британцы предстают единой, сплоченной группой с общими ценностями и целями.

• «In the Far East *we* have yet to deal with the Japanese, a determined and cruel foe. To this *we* shall turn with the utmost resolve and with all *our* resources»³.

3. Противопоставление они – мы (they – we, them – us) для обозначения *Британии (британцев) и стран Европы (союзников)*. Британия, таким образом, отделяет себя и свои заслуги от остальных стран Европы, союзников.

• «The knowledge that everything was at stake: *our* freedom, *our* independence, *our* very existence as a people; but the knowledge also that in defending *ourselves we* were defending the liberties of the whole world; that *our* cause was the cause not of this nation only, not of this Empire and Commonwealth only, but of every land where freedom is cherished and law and liberty go hand in hand. In the darkest hours *we* knew that the enslaved and isolated peoples of Europe looked to *us*; *their* hopes were *our* hopes; *their* confidence confirmed *our* faith. But *we* did not fail. *We* kept *our* faith with ourselves and with one another; *we* kept faith and unity with *our* great allies»⁴.

4. Противопоставление вы – мы/я (you – we/I) для обозначения *британцев и короля (короля и королевы)*: «The Queen and *I* know the ordeals which *you* have endured throughout the Commonwealth and Empire. *We* are proud to have shared some of these ordeals with *you*, and we know also that together we shall all face the future...»⁵.

В рамках данного исследования были рассмотрены количество упоминаний социальных акторов в обращении (*Рис. 1*), а

¹ King George VI's VE Day broadcast. Published 8 May 1945. URL: https://www.royal.uk/king-george-vis-ve-day-broad-cast?_cf_chl_jschl_tk=_kjbJ5aZ7iO3g67SUIB7a1DufVy8_jXv_lkGCJzCgaSo-1636327623-0-gaNycGzNCH0 (дата обращения: 04.04.2021).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

также способы их репрезентации (**Таблица 2**). Социальные акторы, упомянутые в речи, были поделены на следующие группы: акторы, к которым относится сам король (внутри группы), – *король, королева, британцы*; расширенная группа, к которой король себя не относит, но рассматривает в качестве сторонников – *союзники, страны Европы*; акторы, находящиеся вне группы, – *враги*; а также был выделен еще один социальный актор – *Бог*.

Местоимение «we», употребленное чаще всего в речи (общее количество употреблений: 19 раз) в значении «британцы», указывает на ценностный компонент языковой картины мира говорящего. Использование местоимения «we» в речи короля является средством частной оценочности и служит для «выделения множества «своих людей» в противоположность другим, не входящим в это множество» (Гранева, 2009: 84) Выделяя в речи «we» и «they»,

король, тем самым, выделяет систему ценностей, которую не разделяют «другие» (они/they). Противопоставление Британии и стран Европы было закреплено в коллективной памяти британского общества в послевоенные годы и активно использовалось в британских средствах массовой информации для описания политики Британии в отношении Европы (Smith, 2000: 148).

Король также использует множество лексических единиц, соответствующих концепту «враг». Помимо лексических единиц, прямо указывающих на референта, в речи используются следующие способы обозначения референта: имперсонификация (impersonification) (метафоры (the dreadful shadow of war (1); ravages of war (1), метонимия (Nazi tyranny, Germany); спецификация (specification) (слова со значением принадлежности группе людей (the Japanese).

Рисунок 1. Частотность обозначения акторов в обращении короля Георга VI
Figure 1. Frequency of social actors in King Georg VI' address

Таблица 1. Обозначения акторов в обращении короля Георга VI
Table 1. References to social actors in King Georg VI' address

Внутри группы:
we (19); I (4) The Queen and I (1) those who will not come back/ those who died for us (2); the men in all the Services and the women in all the Services (1); they (2); our dearest (1); those who bore arms (1) the living (1) you (3) civilians (1) the Commonwealth (1) Empire (1) a people (2)
Расширенная группа:
Europe (1) (enslaved and isolated) peoples of Europe (1) (Great) allies (1)
Вне группы
Germany (1) enemy (2) Nazi tyranny (1) foe (2) the Japanese (1) the dreadful shadow of war (1); ravages of war (1) a world-wide tyranny (1)
Другие акторы
God (3) He (<i>God</i>) (1)

Модальность

Исследуя роли, взятые на себя говорящим и навязанные слушающему, а также ассоциирующиеся с этим его установки, необходимо также рассмотреть типы модальных значений, употребляемых в речи.

В своем обращении король часто использует предложения с повелительным наклонением. Императив в данном случае объединяет выражение побуждения к действию с выражением желания. Тем самым, используя императивную словоформу, король стремится побудить своих слушателей к совершению действия. В обращении король использовал форму «let us», что трансформирует побуждение в приглашение к совместному с говорящим действию. В обращении форма «let us» была использована семь раз. Таким образом, в обращении король призывает британцев, объединив усилия, создать новое будущее.

Метафора

В обращении также были использованы средства выразительности, а именно фигура качества: метафора. «But at this hour, when the dreadful shadow of war has passed from our hearths and homes in these islands»⁶.

Толковые словари английского языка предлагают множество значений слова «shadow»:

«Comparative darkness, esp. that caused by interception of light; a tract of partial darkness produced by a body intercepting the direct rays of the sun or other luminary» (определение в Оксфордском словаре английского языка)⁷; «A shadow is a dark shape on a surface that is made when something stands between a light and the surface» (определение в словаре английского языка Collins English Dictionary)⁸.

Война представлена как явление (тьень), которое закрыло собой свет. Подобная метафора также встречается в Библии: «тьень» связана с отчаянием и печалью, а также является символом смерти или переживанием смерти: «Before I go whence I shall not return, even to the land of darkness and the shadow of death; A land of darkness, as darkness itself; and of the shadow of death, without any order, and where the light is as darkness» (Job 10: 21-22)⁹; «Mine eye also is dim by reason of sorrow, and all my members are as a shadow» (Job 17: 7)¹⁰.

В своем обращении король использует слово «mission», которое имеет множество значений. Одно из таких значений – «важное задание, предназначение»: «A task which a person is designed or destined to do; a duty or function imposed on or assumed by a person; a person's vocation or work in life, a strongly felt aim or ambition in life»¹¹; а также еще одно значение, связанное с Христианской церковью, – отправка Бога-Сына Богом-Отцом в мир с целью спасения: «In Trinitarian theology: the sending into the world of the Son or Spirit by the Father, or of the Spirit by the Son, esp. for the purpose of salvation»¹². Именно через «миссию» Бога-Сына и Духа Бог приведет человечество к спасению (Saines, 2010). Победа Британии в войне, а также ее будущие действия представлены в речи короля как миссия («mission»), которой руководит Бог: «So let us resolve to bring to the tasks which lie ahead the same high confidence in our mission»¹³; «Let us thank Him for His

<https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/shadow> (дата обращения: 05.04.2021).

⁹ Job 10. King James Version. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Job+10&version=KJV> (дата обращения: 05.04.2021).

¹⁰ Job 17. King James Version. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Job+17&version=KJV> (дата обращения: 05.04.2021).

¹¹ "mission, n." OED Online. Oxford University Press. URL: www.oed.com/view/Entry/119999 (дата обращения: 05.04.2021).

¹² Ibid.

¹³ King George VI's VE Day broadcast. Published 8 May 1945. URL: <https://www.royal.uk/king-george->

⁶ Ibid.

⁷ "shadow, n." OED Online. Oxford University Press. URL: www.oed.com/view/Entry/177212 (дата обращения: 05.04.2021).

⁸ Shadow definition and meaning. Collins English Dictionary. URL:

mercies, and in this hour of Victory commit ourselves and our new task to the guidance of that same strong Hand»¹⁴.

Обращение королевы Елизаветы II по случаю 75-летия Победы (8 мая 2020 г.) (An address by Her Majesty The Queen on the 75th anniversary of VE Day)

8 мая 2020 г. BBC выпустило видео-обращение королевы по случаю 75-летия победы во Второй мировой войне. Обращению предшествовали архивные кадры Лондона 8 мая 1945 г., а также отрывок радиообращения короля Георга VI о победе в войне: «Let us remember the men in all the Services and the women in all the Services who have laid down their lives. We have come to the end of our tribulation, and they are not with us at the moment of our rejoicing»¹⁵. Видеообращение было сделано во время пандемии Covid-19.

В начале своего обращения королева делает отсылку к выступлению короля Георга VI 8 мая 1975 г., тем самым выражая преемственность взглядов и ценностей того времени и их актуальность для настоящего.

Репрезентация участников

В речи королевы, как и в обращении короля Георга, были использованы местоимения, для противопоставления референтных групп:

1. Противопоставление они – мы (they – we, them – us, their – our) для обозначения *живых и погибших/умерших*. Благодаря погибшим, «живые» (британцы, другие народы) живут в мире: «Many people laid down their lives in that terrible conflict. **They** fought so **we** could live in peace, at home and abroad. **They** died so **we** could live as free people in a world of free nations. **They** risked all so **our** families and neigh-

bourhoods could be safe. **We** should and will remember **them**»¹⁶.

2. Противопоставление они – мы (they – we, them – us, their – our) для обозначения *военного поколения (the wartime generation) – послевоенного поколения*. «**The wartime generation** knew that the best way to honour those who did not come back from the war, was to ensure that it didn't happen again. The greatest tribute to **their** sacrifice is that countries who were once sworn enemies are now friends, working side by side for the peace, health and prosperity of **us** all»¹⁷.

В своей речи королева, как и король Георг VI в обращении, особое внимание сосредотачивает на жертве, принесенной во время войны, но теперь это жертва не только Британии, но всех тех, кто погиб и сражался: «**The wartime generation** knew that the best way to honour those who did not come back from the war, was to ensure that it didn't happen again. The greatest tribute to *their sacrifice* is that countries who were once sworn enemies are now friends, working side by side for the peace, health and prosperity of us all»¹⁸.

Социальные акторы, упомянутые в речи, были поделены на следующие группы (*Рис. 2*): акторы, к которым относится королева Елизавета II (внутренняя группа/внутри группы), – *королева, британцы, король Георг VI, послевоенное поколение*; расширенная группа – *Соединенное Королевство, Содружество наций, союзники*; актор, находящийся вне группы, – *война*. В обращении были также рассмотрены обозначения социальных акторов в каждой из перечисленных групп (*Таблица 2*).

[vis-ve-day-broadcast?_cf_chl_jschl_tk=__kjbj5aZ7iQ3g67SUIB7a1DufVy8_jXv_lkGCJzCgaSo-1636327623-0-gaNycGzNCH0](https://www.bbc.com/news/vis-ve-day-broadcast?_cf_chl_jschl_tk=__kjbj5aZ7iQ3g67SUIB7a1DufVy8_jXv_lkGCJzCgaSo-1636327623-0-gaNycGzNCH0) (дата обращения: 04.04.2021).

¹⁴ Ibid.

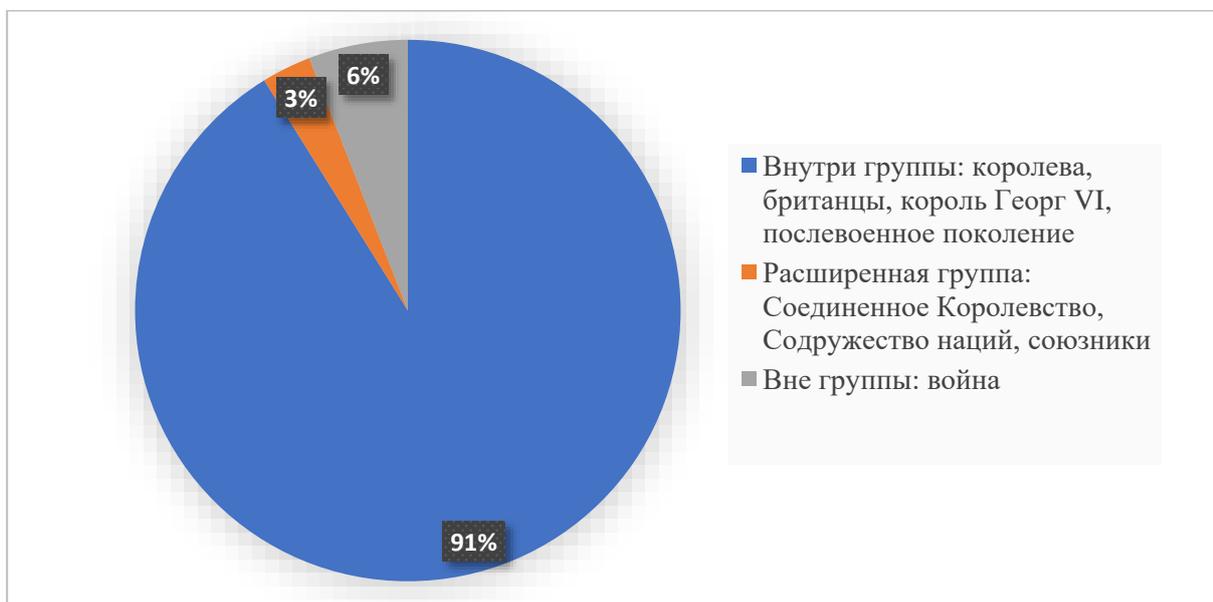
¹⁵ Ibid.

¹⁶ An address by Her Majesty The Queen on the 75th anniversary of VE Day. Published 8 May 2020. URL: https://www.royal.uk/address-her-majesty-queen-75th-anniversary-ve-day?_cf_chl_jschl_tk=__T9gNDos1rSoX36qmuSRVeycOzc0473gEJVGaJtNpShw-1636336863-0-gaNycGzNCr0 (дата обращения: 04.04.2021).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

Рисунок 2. Частотность обозначения акторов в обращении королевы Елизаветы II
Figure 2. Frequency of social actors in The Queen's address

Чаще всего в речи королевы употребляется местоимение «we» (двенадцать раз) в значении «британцы» («And when I look at our country today, and see what we are willing to do to protect and support one another...»¹⁹), а также «послевоенное поколение» («They fought so we could live in peace, at home and abroad²⁰»), «народы» («They died so we could live as free people in a world of free nations²¹»). Таким образом, в своей речи королева относит себя не исключительно к группе «британцы», но ко всему послевоенному мировому сообществу. Ценностно ориентированное употребление местоимения «we» в значении «народы, свободные нации», направлено на объединение.

Личное местоимение «I» употребляется в речи восемь раз и сопровождается глаголами ментальных процессов. Таким образом, королева определяет себя как преемника и наследника победы, а также активного актора: «As I now *reflect* on my father's words and the joyous celebrations,

which some of us experienced first-hand, I am thankful for the strength and courage that the United Kingdom, the Commonwealth and all our allies displayed»²². Елизавета II подчеркивает в своей речи преемственность и связь поколений: «I say with pride that we are *still* a nation those brave soldiers, sailors and airmen *would recognise* and admire»²³. Сама королева, таким образом, становится связующим звеном между прошлым и настоящим, так как она была свидетелем событий прошлого, на что указывает употребление глаголов, относящихся к ментальным процессам: *reflect*, (vividly) *remember*, *witnessed*, *look* (at our country today), а также наречия времени: *still*. Индивидуальные воспоминания королевы о том времени становятся, таким образом, частью национальной коллективной памяти и позволяют закрепить мифы и дискурсы о Второй мировой войне, а также укрепить основания, на которых строится коллективная память о Второй мировой войне в Великобритании.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

Таблица 2. Обозначения акторов в обращении королевы Елизаветы II
Table 2. References to social actors in The Queen's address

Внутри группы:
I (8)
we (12)
my father (2)
you (2)
men and women called up to serve (1)
my sister and I (with our parents) (1)
the crowds (who gathered outside and across the country) (1)
people/nation (1)
the wartime generation (1)
those who did not come back (1)
brave soldiers, sailors and airmen (1)
Расширенная группа:
the United Kingdom, the Commonwealth and all our allies (1)
Вне группы:
war (2)

В речи королевы, в отличие от речи короля, нет прямых обозначений противников Великобритании и союзников в войне. Для обозначения врага королева использует существительное "war", которое функционирует как активный участник, агенс, включенный в материальный процесс: «the **war** finally **ended**...»; «The war had been a total **war**; it had **affected** everyone...»²⁴.

Модальность

Большинство предложений в обращении королевы используются в индикативе и имеют утвердительную или императивную модальность (что указывает на реальность описываемого в речи), а также нейтральную объективную модальность.

Метафора

В своей речи королева использовала различные средства выразительности, среди которых можно выделить метафору: «But our streets are not empty; they are filled with the love and the care that we have for each other»²⁵. Слово «empty» несет в себе отрицательные коннотации, ассоциируясь с пустотой, недостатком, отсутствием чего-либо, кого-либо. Улицы могут быть пусты, так как жители не живут больше в своих домах (погибли или покинули их), тем самым королева делает отсылку к пандемии, начавшейся в 2019 году и ставшей большой угрозой Британии и всему миру.

В тексте выступления также можно выделить концептуальную метафору ВОЙНА-БОЛЕЗНЬ/ВИРУС: «The war had been a total war; it had affected everyone, and

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

по one was **immune from** its impact»²⁶. Вторая мировая война представлена как болезнь, которая затронула всех без исключения, никто не мог остаться в стороне, и не пострадать от ее последствий. Таким образом, королева вновь делает отсылку к современной проблеме, вставшей перед британским обществом – вирусу COVID-19, который был представлен в речах многих политиков с помощью метафорической проекции ПАНДЕМИЯ-ВОЙНА (Semino, 2021). С конца марта 2020 года в Великобритании увеличивалось количество умерших от COVID-19, ежедневно погибало около тысячи человек,²⁷ в британских СМИ писали о «самых темных часах» кризиса пандемии²⁸, а также о недовольстве действиями политиков и их неспособности справиться с угрозой COVID-19 в стране²⁹.

Заключение

Анализ речей показал, что воспоминания о прошлом в обращении короля Георга VI и королевы Елизаветы II становятся инструментом в решении проблем, которые стоят перед обществом в определенный момент истории. Королева часто делает отсылки к речи своего отца, а также делится собственными воспоминаниями о событиях Второй мировой войны, что указывает на то, что индивидуальная память и личные воспоминания королевы являются частью коллективной памяти и закрепляют ее.

Главным основанием и идеей в речи короля выступает мотив объединения и

сплочения перед общим врагом, в то время как в обращении королевы он становится инструментом для ответов на вызовы настоящего и претерпевает определенные изменения. Концепту «враг» в речи короля соответствует множество лексических единиц, в обращении королевы данный концепт выражается только одним словом. Таким образом, в речи королевы использует механизм имперсонализации, а также метафорическую проекцию ВОЙНА-ВИРУС/БОЛЕЗНЬ, что указывает получателям сообщения на современную проблему, вставшую перед британским обществом – пандемию COVID-19. Обращение королевы не имеет религиозных мотивов, в отличие от речи ее отца, в которой одним из социальных акторов в материальном процессе выступает Бог, что объясняется ролью королевы как действующего монарха, обязанностью которого является ценить и приветствовать религиозное разнообразие и толерантность.

Победа представлена как в речи короля, так и королевы как большая жертва, однако в обращении Елизаветы II, это жертва не только самих британцев, но и всех, кто погиб во Вторую мировую войну, о чем свидетельствует употребление местоимений «we» как средства частной оценочности и противопоставления различных референтных групп.

Таким образом, было выявлено, что коллективные представления о прошлом в Великобритании претерпели изменения, однако существуют и незыблемые основания, благодаря которым коллективная память функционирует, формируя идентичность и ценности британского общества, в частности, с помощью государственных институтов, прежде всего, монархии.

Список литературы

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.

²⁶ Ibid.

²⁷ Coronavirus (COVID-19) in the UK. URL: <https://coronavirus.data.gov.uk/details/deaths> (дата обращения: 05.04.2021).

²⁸ Booth R. 22 days in April: the darkest hours of the UK coronavirus crisis // The Guardian. 19.06.2020. URL:

<https://www.theguardian.com/world/2020/jun/19/22-days-in-april-uk-darkest-hours-of-coronavirus-crisis> (дата обращения: 05.04.2021).

²⁹ Covid-19 exposes flaws in Britain's good-times government // The Economist. 25.04.2020. URL: <https://www.economist.com/britain/2020/04/25/covid-19-exposes-flaws-in-britains-good-times-government> (дата обращения: 05.04.2021).

Вишнякова О. Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 50-66.

Гранева И. Ю. Местоимение мы и проблема языковой концептуализации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 82-87.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Олик Дж. Фигурации памяти: процессореляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.

Darics E., Koller V. Social actors 'to go': An analytical toolkit to explore agency in business discourse and communication // Business and Professional Communication Quarterly. 2019. Vol. 82. Issue 2. Pp. 214-238. <https://doi.org/10.1177/2329490619828367>

Eley G. Finding the People's War: Film, British Collective Memory, and World War II // The American Historical Review. 2001. Vol. 106. No. 3. Pp. 818-838. <https://doi.org/10.2307/2692326>

Eley G. Foreword: Memory and the Historians: Ordinary Life, Eventfulness and the Instinctual Past // Noakes L., Pattinson J. (eds.) British Cultural Memory and the Second World War. London, N.Y.: Bloomsbury Academic, 2013. Pp. xi-xxi.

Fairclough N. Analysing discourse: Textual analysis for social research. London, N.Y.: Routledge, 2004. 270 p.

Fairclough N. Critical discourse analysis: The critical study of language. London, N.Y.: Routledge, 2013. 591 p.

Fairclough N. Critical discourse analysis // Gee J. P., Handford M. (eds.) The Routledge Handbook of Discourse Analysis. London, N.Y.: Routledge, 2012. Pp. 9-20.

Finney P. Remembering the road to World War Two: international history, national identity, collective memory. London, N.Y.: Routledge, 2010. 325 p.

Grant M. The Trial of Neville Heath, the Popular Press, and the Construction of the Memory of the Second World War in Britain, 1945-1946 // The English Historical Review.

2018. Vol. 133. I. 564. Pp. 1155-1177. DOI:10.1093/ehr/cey209

Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M. Halliday's introduction to functional grammar. London, N.Y.: Routledge, 2014. 786 p.

Hart C. Construal Operations in Online Press Reports of Political Protests // Hart C., Cap P. (eds.) Contemporary Critical Discourse Studies. London, N.Y.: Bloomsbury Publishing, 2014. Pp. 167-188.

Hart C. Moving beyond metaphor in the cognitive linguistic approach to CDA: Construal operations in immigration discourse // Hart C. (ed.), Critical discourse studies in context and cognition. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. Pp. 171-192.

Harris J. War and Social History: Britain and the Home Front during the Second World War // Contemporary European History. 1992. Vol. 1. No. 1. Pp. 17-35.

Hawkins V. Displaying marginalised and 'hidden' histories at the Imperial War Museum London: The Second World War gallery regeneration project // War & Society. 2020. Vol. 39. No. 3. Pp. 210-214. <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1786895>

Hodges A. Discursive underpinnings of war and terrorism // Wodak R., Forchtner B. (eds.) The Routledge Handbook of Language and Politics. London, N.Y.: Routledge, 2018. Pp. 673-686.

Jaeger S. The Second World War in the Twenty-First-Century Museum: From Narrative, Memory, and Experience to Experientiality. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. 354 p. <https://doi.org/10.1515/9783110664416>

Jordan C. From private to public: Royal family memory as prospective collective memory in A Jubilee Tribute to The Queen by The Prince of Wales (2012) // Journal of Aesthetics & Culture. 2019. Vol. 11. No. Suppl. 1. <https://doi.org/10.1080/20004214.2019.1635426>

Khaitan U. Women beneath the Surface: Coal and the Colonial State in India during the Second World War // War & Society. 2020. Vol. 39. No. 3. Pp. 171-188. <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1790473>

Langacker R. W. Investigations in Cognitive Grammar. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2009. 396 p.

Leeuwen T. van Discourse and practice: New tools for critical discourse analysis. N.Y.: Oxford University Press, 2008. 172 p.

Olick J. K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17.

No. 3. Pp. 333-348. <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00083>

Pennell C., Todman D. Introduction: Marginalised Histories of the Second World War // *War & Society*. 2020. Vol. 39. No. 3. Pp. 145-154. <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1786896>

Reisigl M., Wodak R. *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London, N.Y.: Routledge, 2005. 298 p.

Saines D. Wider, broader, richer: Trinitarian theology and ministerial order // *Anglican theological review*. 2010. Vol. 92. Issue 3. Pp. 511-535.

Semino E. "Not Soldiers but Fire-fighters" – Metaphors and Covid-19 // *Health Communication*. 2021. Vol. 36. Issue 1. Pp. 50-58. DOI: 10.1080/10410236.2020.1844989

Smith J. P. Race and hospitality: allied troops of colour on the South African home front during the Second World War // *War & Society*. 2020. Vol. 39. No. 3. Pp. 155-170. <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1786890>

Smith M. *Britain and 1940: history, myth, and popular memory*. London, N.Y.: Routledge, 2000. 178 p.

Williamson B. Memories, vision and hope: themes in an historical sociology of Britain since the Second World War // *Journal of Historical Sociology*. 1988. Vol. 1. Issue 2. Pp. 161-183. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6443.1988.tb00008.x>

The discursive construction of national identity / Wodak R., Cillia R. de, Reisigl M., Liebhart, K. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 276 p.

References

Assmann, J. (2004). *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination], Translated by Sokol'skaya, M. M., *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia. (In Russian)

Assmann, A. (2018). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Shadows of Trauma: Memory and the Politics of Postwar Identity], Translated by Hlebnikov, B., *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia. (In Russian)

Vishnyakova, O. D. (2015). The language sign in the referential field of the cultural memory of society, *Moscow State University Bulletin*.

Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, 4, 50-66. (In Russian)

Graneva, I. Yu. (2009). Pronoun *we* and the problem of the lingual conceptualization of the world, *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 82-87. (In Russian)

Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way of learning about the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia. (In Russian)

Olick, J. K. (2012). Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case, Translated by Hlevnyuk, D. O., *Sociological Review*, 11 (1), 40-74. (In Russian)

Ter-Minasova, S. G. (2008) *Voina i mir yazykov i kul'tur* [War and peace of languages and cultures], Slovo, Moscow, Russia. (In Russian)

Darics, E. and Koller, V. (2019). Social actors 'to go': An analytical toolkit to explore agency in business discourse and communication, *Business and Professional Communication Quarterly*, 82 (2), 214-238. <https://doi.org/10.1177/2329490619828367> (In English)

Eley, G. (2001). Finding the People's War: Film, British Collective Memory, and World War II, *The American Historical Review*, 106 (3), 818-838. <https://doi.org/10.2307/2692326> (In English)

Eley, G. (2013). Foreword: Memory and the Historians: Ordinary Life, Eventfulness and the Instinctual Past, in Noakes, L. and Pattinson J. (eds.), *British Cultural Memory and the Second World War*, Bloomsbury Academic, London, N.Y., UK, USA, xi-xxi. (In English)

Fairclough, N. (2004). *Analysing discourse: Textual analysis for social research*, Routledge, London, New York, UK, USA. (In English)

Fairclough, N. (2012). Critical discourse analysis, in Gee, J. P. and Handford, M. (eds.), *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. Routledge, London, N.Y., UK, USA, 9-20. (In English)

Fairclough, N. (2013). *Critical discourse analysis: The critical study of language*, Routledge, London, New York, UK, USA. (In English)

Finney, P. (2010). *Remembering the road to World War Two: international history, national identity, collective memory*, Routledge, London, N.Y., UK, USA. (In English)

- Grant, M. (2018). The Trial of Neville Heath, the Popular Press, and the Construction of the Memory of the Second World War in Britain, 1945–1946, *The English Historical Review*, 133 (564), 1155–1177. DOI:10.1093/ehr/cey209 (In English)
- Halliday, M. A. K. and Matthiessen, C. M. I. M. (2014). *Halliday's introduction to functional grammar*, Routledge, London, N.Y., UK, USA. (In English)
- Hart, C. (2011). Moving beyond metaphor in the cognitive linguistic approach to CDA: Construal operations in immigration discourse, in Hart, C. (ed.), *Critical discourse studies in context and cognition*, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, Netherlands, USA, 171–192. (In English)
- Hart, C. (2014). Construal Operations in Online Press Reports of Political Protests, in Hart, C. and Cap, P. (eds.), *Contemporary Critical Discourse Studies*, Bloomsbury Publishing, London, N.Y., UK, USA, 167-188. (In English)
- Harris, J. (1992). War and Social History: Britain and the Home Front during the Second World War, *Contemporary European History*, 1 (1), 17-35. (In English)
- Hawkins, V. (2020). Displaying marginalised and 'hidden' histories at the Imperial War Museum London: The Second World War gallery regeneration project, *War & Society*, 39 (3), 210-214. <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1786895> (In English)
- Hodges, A. (2018). Discursive underpinnings of war and terrorism, in Wodak, R. and Forchtner, B. (eds.), *The Routledge Handbook of Language and Politics*, Routledge, London, N.Y., UK, USA, 673-686. (In English)
- Jaeger, S. (2020). *The Second World War in the Twenty-First-Century Museum: From Narrative, Memory, and Experience to Experientiality*, De Gruyter, Berlin, Boston, Germany, USA. <https://doi.org/10.1515/9783110664416> (In English)
- Jordan, C. (2019). From private to public: Royal family memory as prospective collective memory in A Jubilee Tribute to The Queen by The Prince of Wales (2012), *Journal of Aesthetics & Culture*, 11 (Suppl. 1). <https://doi.org/10.1080/20004214.2019.1635426> (In English)
- Khaitan, U. (2020). Women beneath the Surface: Coal and the Colonial State in India during the Second World War, *War & Society*, 39 (3), 171-188. <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1790473> (In English)
- Langacker, R. W. (2009) *Investigations in Cognitive Grammar*, Mouton de Gruyter, Berlin, N.Y., Germany, USA. (In English)
- Leeuwen, T. van (2008) *Discourse and practice: New tools for critical discourse analysis*, Oxford University Press, Oxford, UK. (In English)
- Olick, J. K. (1999) Collective Memory: The Two Cultures, *Sociological Theory*, 17 (3), 333-348. <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00083> (In English)
- Pennell, C. and Todman, D. (2020). Introduction: Marginalised Histories of the Second World War, *War & Society*, 39 (3), 145-154. <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1786896> (In English)
- Reisigl, M. and Wodak, R. (2005). *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*, Routledge, London, N.Y., UK, USA. (In English)
- Saines, D. (2010). Wider, broader, richer: Trinitarian theology and ministerial order, *Anglican theological review*, 92 (3), 511-535. (In English)
- Semino, E. (2021). "Not Soldiers but Firefighters" – Metaphors and Covid-19, *Health Communication*, 36 (1), 50-58. DOI: 10.1080/10410236.2020.1844989 (In English)
- Smith, J. P. (2020). Race and hospitality: allied troops of colour on the South African home front during the Second World War, *War & Society*, 39 (3), 155-170. <https://doi.org/10.1080/07292473.2020.1786890> (In English)
- Smith, M. (2000) *Britain and 1940: history, myth, and popular memory*, Routledge, London, N.Y., UK, USA. (In English)
- Williamson, B. (1988). Memories, vision and hope: themes in an historical sociology of Britain since the Second World War, *Journal of Historical Sociology*, 1 (2), 161-183. (In English)
- Wodak, R., Cillia, R. de, Reisigl, M. and Liebhart, K. (2009). *The discursive construction of national identity*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.**
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Ольга Дмитриевна Вишнякова, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор.

Olga D. Vishnyakova, Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology, Professor.

Наталья Олеговна Мартюшова, приглашенный преподаватель ШИЯ НИУ ВШЭ, аспирант Школы по филологическим наукам НИУ ВШЭ

Natalia O. Martyushova, Tutor of the School of Foreign Languages, HSE University, PhD Student of the Doctoral School in Philology of the HSE University.